

Цыганков Владислав Васильевич

канд. филос. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный

исследовательский государственный университет»

г. Новосибирск, Новосибирская область

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛНЫ В ПОЗДНЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ:
МАНУФАКТУРНЫЙ КРИЗИС В МИРЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ
ПЕРЕВОРОТ В АНГЛИИ**

Аннотация: исследование посвящено изучению революционных волн – сложного процесса, который объединяет последовательность нескольких революций. Автор анализирует и определяет критерии для распределения отдельных видов волн в истории стран Европы, России и Турции в период мануфактурного кризиса в Европе и промышленной революции в Англии. Эмпирической базой статьи является комплекс исторических исследований и мемуаров. Основные виды зависимостей между революциями объясняются с использованием понятия «промышленный переворот», модели «экономический цикл» и модели «Ядро и Периферия». Эти модели позволяют выявить в европейской истории XVIII – XIX вв. от четырех до шести длинных волн структурно зависимых революций, и одну короткую волну, в которой действует эффект домино.

Ключевые слова: революция, революционные волны, причины революций, мануфактурное производство, кризис абсолютизма, промышленный переворот, экономический кризис, экономический цикл, война за независимость, США, национально-освободительные войны, наполеоновские войны, третье сословие, тайное общество, луддиты, карбонарии, хунта, Пугачёвское восстание, восстание Тупак Амару II, восстание комунерос, восстание янычар, Великая французская революция, якобинцы, санкюлоты, термидор, Гаитянское восстание, Манчестерская бойня, хлебный закон, восстание декабристов, греческая революция, революционные волны.

Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект №16–03–00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

Представление о том, что крушение общественно-политического порядка в одной стране может вызвать аналогичную катастрофу в другой стране – концепция, имеющая давнюю традицию в общественных науках. Последовательная «цепочка» таких крушений получила название *«революционная волна»*. Предлагаемая статья выполнена в рамках проекта «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX – XX вв.: макроисторический и социально-философский анализ» (Научный руководитель проф. Н.С. Розов, участники – кандидаты наук Ю.А. Пустовойт, С.И. Филиппов, В.В. Цыганков). Основой проекта являются работы Дж. Голдстоуна [1], С.В. Циреля [15], а также результаты работы научного семинара участников проекта. По итогам этой работы Н.С. Розовым была сформирована первоначальная генеральная совокупность случаев, объединенная в 27 революционных волн в промежутке между началом XVI и началом XXI вв. [13]. Дальнейшая работа по проекту связана, в частности, с уточнением состава самой генеральной совокупности случаев, а также с обсуждением критериев для выделения отдельных революционных волн.

Связи и зависимости для выделения и разграничения отдельных «революционных волн» обычно в литературе сводятся либо к структурным, либо к организационным, либо к идейным (на чём сошлись во мнении все участники настоящего проекта). Совпадение всех этих типов зависимостей в рамках одной последовательности делает её чистым случаем собственно «революционной волны», в которой выполняется «домино-динамика».

Поиск идейного и организационного влияния между случаями сильно нагружен эмпирически, и в основном ведётся на базе конкретно-исторического материала. Наибольшие разночтения возникают по поводу структурной зависимости: на базе каких макропроцессов проводить обобщения революционных случаев? Экономических? Демографических? Социально-политических?

Под структурными связями понимаются некие базовые процессы, трансформирующие каждое рассматриваемое общество, и совпадающее у нескольких обществ определенного периода. При внимательном рассмотрении, как правило, выясняется, что совпадения не случайны, а почти всегда – следствия вовлечения разных обществ в единые процессы определенного характера. Самыми понятными, универсальными и неустраняемыми процессами интеграции обществ в истории остаются война и торговля.

Предыдущая работа автора была посвящена выявлению и анализу критериев для «революционных волн» периода раннего Модерна (нач. XVI – нач. XVIII вв.) [16]. В настоящей же работе речь пойдет о критериях «революционных волн», произошедших в европейской ойкумене в середине XVIII – начале XIX вв. Такие хронологические рамки заданы как удобством обсуждения обширного исторического материала, так и самими выявленными критериями «волн» (о чём речь пойдет ниже).

Если период начала XVI – начала XVIII вв. можно было кратко охарактеризовать как «становление абсолютизма», то новый – как «кризис абсолютизма» – представляется, что именно так проходит водораздел между ранним и поздним Новым временем. И здесь дело не только в попытках ограничения власти монарха, это бывало и ранее, можно вспомнить английскую революцию, Фронду или польские «рокоши». Главное отличие в том, что вектор поменялся: теперь не абсолютистское государство наступает на сословия, понуждаемое «военной революцией» – а теперь торговцы наступают на абсолютистское государство, понуждаемые кризисами на рынках.

Представляется, что корни *структурной зависимости* для «волн» последней трети XVIII – начала XX века качественно иные, чем были выделены в предыдущей работе автора для периода раннего Нового времени. Из большой тройки экзоструктурных причин (*технология* – способы производства, *экономика* – способы распределения, и *политика* – способы господства) теперь лидирует не связка «технология-политика», которая выражает сущность «военной революции», а связка «технология-экономика».

Окончание «военной революции» приходится на начало XVIII в. Затем военные технологии оставались почти неизменными полтора века. Визитной карточкой европейских армий по-прежнему были «смуглянка Бесс» (кремневое гладкоствольное ружьё), дульнозарядное гладкоствольное орудие, холодное оружие кавалерии, и яркое, «кричащее» на фоне красок ландшафта, суконное обмундирование солдат (для удобства визуального управления войсками в условиях ограниченного поля боя и линейной тактики пехоты). Новые революционные изменения в военной технологии станут наглядными только начиная с Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. (пароходы, телеграф), и франко-прусской войны 1870–1871 гг. (нарезная стальная артиллерия, полевой телефон, рассыпной строй пехоты, генштаб, фабричное изготовление боеприпасов, всеобщая воинская повинность). Фискальные и организационные последствия нового этапа «военной революции» всерьёз скажутся на мотивации революционных субъектов не ранее Первой мировой войны.

Если главным «революционным интегратором» ойкумены в XVI–XVIII вв. оставались войны на фоне всё усложняющейся династической дипломатии, то в «долгом XIX веке» таким интегратором выглядят экономические кризисы на фоне уплотняющихся торговых сетей (*Прим. 1*). Можно даже сказать, что если в раннее Новое время «война и военное дело подталкивали коммерциализацию», то для позднего Нового времени скорее «коммерциализация подталкивала войну и военное дело». Впрочем, далее будет показано, что взаимовлияние военного и экономического факторов может быть весьма запутанным. Они могут многократно порождать (или ограничивать) действие друг друга.

Применительно ко времени начиная с 1770-х годов экономисты уже предпочитают говорить об общеевропейских и мировых экономических кризисах. Последние возникали из-за регулярных случаев переинвестирования и затоваривания рынков, из-за чего вспыхивали конфликты, вызывая следующие формы революционной мобилизации:

- 1) мобилизация торговых слоёв, которые под угрозой убытков либо пытаются использовать государство для их компенсации – если имеют на него

влияние, либо пытаются обособиться и создать подконтрольное себе государство – если позволяет география, либо пытаются подчинить государство – если позиции аристократии слабы (здесь: борьба за независимость североамериканских колоний, Батавская революция, Великая французская революция, Бельгийская революция...);

2) мобилизация депривированных слоёв элиты, для возвращения привилегированного положения стремящиеся возглавить недовольство армии, городских низов или сельского населения (здесь: от казаков Пугачёва и чешских рихтаржей – до инкской аристократии восстания Тупак Амару II, восстания декабристов, боливарианских революций, восстания Костюшко, восстания сипаев, Реставрации Мэйдзи ...);

3) мобилизация сельского населения – теперь скорее не фискальный пресс, а рост ренты и повинностей в пользу аристократов был главным побудителем активности (все «антифеодальные» крестьянские восстания периода, восстание бабидов, восстание тайпинов...);

4) мобилизация городских низов, занятых наёмным трудом в условиях падения оплаты труда или усиливающейся безработицы (санкюлоты, луддиты, силезские ткачи, парижские коммунары...).

Мировые торговые сети конца XVIII – середины XIX вв. уже демонстрируют ярко выраженную циклическую динамику с подъёмами, спадами, депрессиями и рецессиями. Кроме относительно коротких циклов от одного кризиса до другого выделяют большие циклы, связанные с техническим перевооружением мирового хозяйства: например – первая и вторая промышленные революции. Внутри первой выделяют этап промышленного переворота в Англии и промышленного переворота в мире. Внутри второй – «стальной» и «электрический» этап. Всё это важные подробности мировой интеграции, которые трудно переоценить. При более детальном рассмотрении оказывается, что единые кризисные явления охватывали сразу множество стран гораздо раньше, чем случился первый всемирно признанный мировой кризис 1825–1826 гг. Уже в 1760-х гг. в Англии, Франции, Голландии наблюдается выраженный спад мануфактурного производства,

который вызвал всплеск протестной активности в «ядре» и на «периферии» мир-экономической системы. Поэтому нижней границей данной работы будет именно середина XVIII в.

Рис. 1. Революции и восстания на фоне экономического цикла и войн (период мануфактурного спада)

Наряду с экономическими подъёмами-спадами и случаями протестной активности период позднего Нового времени также богат на войны всех уровней. На рис. 1 представлен период мирового мануфактурного цикла, где все три сущности соотнесены хронологически. Сплошная кривая обозначает приблизительные торгово-промышленные бумы и кризисы в старых мануфактурных странах (Англии, Франции, Голландии), она построена с использованием данных В.Г. Колташева [4]. Сверху от кривой располагаются известные восстания и революции, а внизу – известные войны. На первый взгляд – мешанина событий, где трудно найти закономерности. Для иллюстрации того, насколько причудливым может быть взаимодействие войны, кризиса и революции рассмотрим одну из войн списка: «классическую» русско-турецкую войну 1768–1773 гг. Как она

может быть связана с фиксируемым экономическим кризисом периода? Или с ближайшими по времени восстаниями?

Цикл 1756–1785 гг. (мировой мануфактурный цикл)

Дело в том, что причиной войны является восстание: к концу 1760-х гг. благородная шляхта Речи Посполитой раскалывается на сторонников протурецкой и пророссийской политики. Образуется несколько конфедераций, оппозиционных королю, словом, сценарий развивается в русле хорошо известного по XVI–XVII вв. «восстания сословий». Одна из конфедераций (*Барская*) обращается за помощью к султану. Далее вспыхивает одновременно русско-турецкая война, и происходит интервенция сил Российской империи на территорию Речи Посполитой (по просьбе уже короля). Более того, Барская конфедерация выступает с воззванием для привлечения сторонников, обещая им 1) равноправие «диссидентов» (т. е. не-католиков) и 2) смягчение манорного (т. е. крепостного) порядка. Результатом становится вспышка очередной «колиивщины» (т. е. восстания казаков, верхушка которых ведёт давнюю борьбу за выравнивания в правах со шляхтой), а также Шавельское крестьянское восстание, направленное как раз против крепостничества. Через четыре года после подавления этих вспышек возникает другой похожий очаг – восстание Пугачёва в России. Эта крестьянская война также носит ярко выраженный антикрепостной оттенок (Прим. 2). Причём очаг возник далеко от Польши, на далёком Урале, следовательно, если была связь между событиями, то она не носила региональный характер. Связь пугачёвского бунта с русско-турецкой войной хорошо известна: Яицкое казачье восстание 1772 г., с которого и начался бунт, было спровоцировано попыткой отправить казаков во вновь сформированный Московский легион для русско-турецкой войны [8, с. 511–513]. Параллельно возникает еще один очаг с теми же мотивами: крестьянское восстание в Чехии и Моравии («восстание рихтаржей» Габсбургской империи). На другом континенте в этот момент провозглашается независимость США, и бывшие колонии начинают войну с Англией за независимость. Вместе с этим процессом развиваются такие разные события как восстание кумунерос в Колумбии (больше похожее на «американский сценарий»),

следом – восстание Тупак Амару II (больше смахивающее на «пугачёвский вариант»: массы задавленных эксплуатацией индейцев под руководством депривированной индейской знати); потом – революция в Ирландии и Батавская революция в Голландии (последний случай – тоже выраженный сепаратизм «патриотов» против «оранжистов», т. е. сторонников англичан, что одновременно похоже на «барский» и «американский» сценарий). При этом можно уверенно говорить, что восстание в Ирландии и в еще большей степени Батавская революция испытали влияние Четвёртой англо-голландской войны. Британия в этот период много воюет, и всё это – войны из-за торговли или колониальные экспедиции. Хотя формально сепаратизм белых переселенцев-колонистов – это не разрыв отношений протектората с Ост-Индской компанией каким-нибудь индийским навабом. Однако структурно-функционально во всех этих случаях речь идёт о силовых попытках увеличения политико-административной автономии региональных центров от метрополии. Поскольку главный военный конфликт периода – Семилетняя война – довольно далеко отстоит от рассматриваемых событий, то можно предположить, что интегратор во всех этих случаях был другой. Если не война – значит, торговля.

С точки зрения экономической истории Семилетняя война вызвала беспрецедентный мануфактурный бум: военный заказ был столь масштабен, что потребовал в разы увеличить предложение. Технологии организации мануфактуры (пришедшая в Европу с Востока) стали известны уже достаточно широкому кругу возможных участников производства. При этом бывшие лидерские позиции сыграли злую шутку с английскими и французскими мануфактурами: на периферии мир-экономики, где выросли новые центры производства, труд был гораздо дешевле (либо вообще ничего не стоил). Особенно некстати оказалась политическая сила английского торгового бизнеса, который при помощи развитого парламентаризма имел влияние в правительстве, то есть мог задействовать силу государственного принуждения для преследования коммерческой выгоды. Так, в 1757 г. Ост-Индская компания военной силой захватила Бенгалию и прикрепила всех тамошних ремесленников к своим факториям (совершенно в духе

русских посессионных крестьян) – с обязанностью за бесценок сдавать туда свою продукцию. Наплыв дешевой индийской ткани разоряет английские (да и французские) мануфактуры. Спад начинается уже в 1765 г., сразу после окончания войны, когда внезапно пропадает огромный рынок, который в своё время дал толчок спроса.

В 1771–1774 гг. происходит первый международный кризис, связанный с мануфактурным спадом в Англии и Франции: перепроизводство тканей повлекло падение ввоза сырья и продовольствия в эти страны. В Англии импорт и экспорт падают втрое. Кризис затрагивает и мануфактурно развитую Голландию. В 1765 г. Картрайт внедрил свою прялку «Дженни», первая ватермашина заработала в 1771 г. Но уже в 1769 г. вводится смертная казнь луддитам. Параллельно разгораются скандалы в североамериканских колониях: во-первых, Акт о гербовом сборе (сошел на нет в 1766 г.); во-вторых, используя административный ресурс Британской империи, Ост-Индская компания добивается монополии на поставку чая в колонии. Сами колонисты стремятся увязать выплату налогов с участием в парламенте. Налоги назначает парламент, в работе которого принимают участие плательщики. Если они такого участия не принимают, то колонисты будут платить только те налоги, которые назначает местный парламент колонии. Сама суть спора (о налогах, о монополиях) указывается та то, что движущей силой североамериканской сецессии был конфликт коммерческих интересов (Ост-Индской компании, при помощи государства добивавшаяся торговых привилегий в колониях). Кризис обострил ситуацию: стараясь компенсировать убытки, торговцы метрополии мобилизовали силу государства. Торговцы колоний, не имея такой возможности, повели дело к сепаратизму и конструированию своего собственного государства.

Франция проиграла войны за Америку, французские негоцианты не имели влияния и богатства британских коллег. Уже в 1769 г. король отбирает все права у французской Ост-Индской компании. На такой шаг английское правительство отважится спустя более чем век. В 1774 г. происходит уже четвертая стачка лионских мануфактуристов (шелкоткачей, каменщиков). То есть здесь уже можно

вести речь о протестной активности не торгового бизнеса, а персонала мануфактур. Этот социальный субъект не интересовался налогами и парламентским представительством, круг его интересов: выдача зарплаты, повышение сельских расценок. В условиях кризиса восставшие также стремились использовать административный ресурс для того, чтобы вернуть ситуацию к докризисному состоянию. Например, рабочие практиковали совместные шествия к городской ратуше с демонстрацией собственной численности, и с попытками принудить местные власти подписать какой-нибудь документ, который бы предписывал «вернуть прежние расценки». Словом, пёстрое «третье сословие» просыпается в странах – мануфактурных лидерах с намерением либо поставить под свой контроль государство (как во Франции), либо использовать силу этого государства для того, чтобы сбросить издержки кризиса на своих коллег в колониях (как в Англии). Т. е. мотивы и цели протестной активности в «ядре» мир-экономики определяются главной бедой – падением продаж.

Другая группа стран явно выиграла от кризиса 1771–1774 гг. Там как раз наблюдается мануфактурный бум: это Австрия, Россия, Испания, германские земли. Мануфактуры здесь растут по мере удорожания труда в Англии и Франции. Общее увеличение мануфактурного сектора усиливает спрос на сырьё и продовольствие, вызывая «барщинный бум» в Габсбургской и Российской империях. В России барщинный бум [9, с. 138] фиксируется примерно с 1765 до начала 1780-х гг. (помещики расхватывают земли). Он был проекцией роста промыслов и мануфактур для выработки сырья и изготовления полуфабрикатов (помещичьи латифундии снабжали продовольствием и водкой города-мануфактуры Центрального промышленного района, откуда на экспорт уходили холст, кожи, канаты, т. е. сырьё и полуфабрикаты). Винокуренные заводы, ситцевые мануфактуры, пеньковые промыслы росли как грибы после дождя. Мануфактурный бум в России был в противофазе английскому, а вот проявление социальных издержек кризиса в целом соответствуют английским по времени: в 1767 и 1775 гг. в стране голод в Центральном районе, в 1771 г. – эпидемия чумы, в 1787–1788 гг. – кризис и голод [9, с. 184]. Всё это следствие роста барщины и оброка, которые

помещики принялись задирать, почувствовав расширение спроса на продовольствие.

В 1773–1775 гг. в России вспыхивает восстание Пугачёва, в котором, с одной стороны, играет роль казачье недовольство собственной статусной депривацией (идейно замешанной на раскольническом компоненте), а с другой – бунт против «барщинного бума» со стороны крепостных крестьян и посессионных рабочих Урала. Восстание Барской конфедерации и Шавельское восстание в Речи Посполитой – из той же серии: депривированная элитная группа стремится возглавить задавленное фольварочной системой сельское население. Сюда же относится и восстание Тупак Амару II в Перу (депривированная инкская знать возглавляет индейское население, жаждущее облегчения повинностей и ренты). В том, другом и третьем случае вспышка социального протеста была связана не с падением конъюнктуры и безработицей, как в это время было у лионских ткачей или английских луддитов, а наоборот, с увеличением объёмов этой работы (которая не оплачивалась и представляла собой повинность). Что касается казаков, обедневших шляхтичей, рихтаржей и «подпольной» инкской аристократии, то поведение этих социальных групп вряд ли возможно соотнести с международными коммерческими подвижками периода. Скорее речь может идти об уже знакомой динамике служилых сословий и военно-крестьянских волонтёров, знакомой нам по предыдущему периоду «военной революции» и становления абсолютистских государств.

Восстание комунерос в Новой Гранаде (1781 г.) стоит в одном ряду с американской революцией: то же требование отмены королевских монополий, уменьшение налогов, отделение от Испании. Но есть и несомненное отличие: комунерос – богатые креолы, рантье-латифундисты, а не представители мануфактурного бизнеса. Их, например, совсем не интересуют принципы парламентаризма. Хотя восстание равным образом идейно зависит от американской революции, а полемогенно – от испано-португальской войны, ведущей к подрыву легитимности имперской власти в колониях, однако эндоструктурно оно связано с более поздним «боливарианским циклом» освободительных войн,

возглавляемых местными рантье-каудильо. Интересно, что эндоструктурно американская революция и позднейшая гражданская война будут наполовину похожи на все эти латиноамериканские «революции» (вплоть до позднейшей мексиканской «войны за реформу») – потому что компонент под названием «благородный латифундизм» в истории США тоже имел место.

Таким образом, для революций и восстаний 1760–1780-х гг. можно выделить как экзоструктурную, так и эндоструктурную причинную зависимость. Экзоструктурная – это собственно международный мануфактурный подъём (сопровожаемый спадом в старых мануфактурных странах), а эндоструктурная – характер социальной структуры конкретного общества и специфика его участия в мануфактурном подъёме. Этот характер и эту специфику необходимо учитывать, поскольку они определяют мотивы и логику поведения протестующих социальных субъектов.

Для периода мануфактурного бума можно выделить «революционную волну», демонстрирующую ярко выраженную «домино-динамику»: 1) Война за независимость США; 2) Восстание комунерос в Новой Гранаде; 3) Батавская революция; 4) Брабантская революция; 5) Французская революция; 6) Восстание на Гаити, 7) Польское восстание; 8) Восстание на Санта-Доминго. Экзоструктурная причина всех этих событий – кризис мануфактурного перепроизводства. Идейная связь событий не вызывает сомнения: все они освящены «Декларацией о независимости». Что касается организационной зависимости, то она присутствует, как минимум, в трёх случаях: 1) «французская революция – восстание на Гаити». 2) «Война за независимость США – Польское восстание»; 3) «Брабантская революция – Французская революция». Кроме того, революции объединены и полемогенными связями: испано-португальская, англо-французская, англо-голландская войны.

Цикл 1785–1822 (Промышленный переворот в Англии)

Спад коммерческого производства продолжается в Англии до 1785 г. Еще в 1780 г. в Лондоне зафиксирован мощный 12-дневный голодный бунт (так называемые «гордонские бунты»), подавленный силами армии. Интересно, что

административный ресурс, доступный британскому бизнесу (который усугубил кризис и спровоцировал разлом с Америкой) – в то же время стал мощным фактором вывода Англии из кризиса. Англичанам несколько раз за XVIII–XIX вв. будет удаваться этот фокус: когда кризис и упадок продаж перекинутся на континент, английские промышленники быстро и повсеместно (при помощи запретительных законов, проведенных через парламент) вводят техническую новинку, которая снижает стоимость производства. После чего легко забирают рынки у континентальных конкурентов. С 1785 г. в Англии начинается промышленный переворот (т. е. переход на двигатели внешнего сгорания). До конца века число паровых машин выросло с 66 до 223 ед. Главным же товаром надолго останется хлопчатобумажная ткань. Вползание в мануфактурный спад к началу 1780-х гг. тех участников, кто в 1770-х гг. переживал производственный бум – как и в дальнейшей экономической истории, вызвало рост таможенных тарифов и протекционизм. При этом все хорошо знали, кто главный конкурент: это Англия. Как раз для Англии другие страны требуют фритрейда. Против неё создаётся Лига вооруженного нейтралитета 1780–1783 гг., куда входят Россия, Пруссия, Швеция, Голландия, Португалия, Дания.

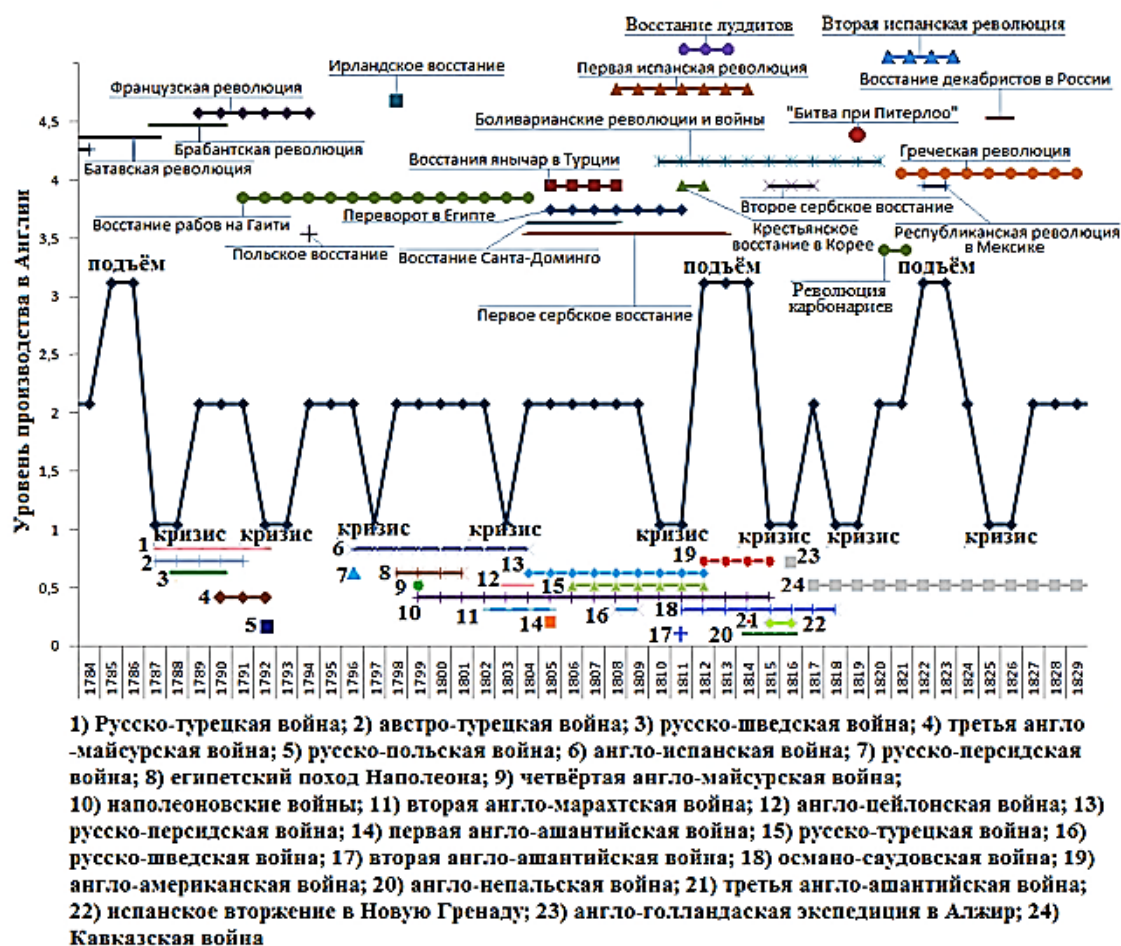

Рис. 2. Революции и восстания на фоне экономического цикла (период промышленного переворота в Англии)

В 1783 г. начинается стагнация шелкового экспорта во Франции (почти двукратное сокращение). То же самое происходит в Голландии и Венеции (в 1780–1781 гг. там зафиксированы стачки и восстания). В 1780–1784 гг. начинается Четвёртая англо-голландская война, а в 1784–1787 гг. – Батавская революция, к которой приводит раскол элиты Голландии на оранжистов (сторонников Англии) и патриотов. В 1787 г. там уже начинается гражданская война. В неё вмешивается Пруссия, которая вытесняет патриотов, а в 1794 г. в Голландию вторгаются французы, и выбивают оранжистов (после чего колонии Голландии переходят Англии). То есть кризис начинается во Франции, Голландии, Венеции, Австрии и Испании примерно в то время, когда он затухает в Англии [6].

1787–1819 гг. – период малых (каскадных) кризисов перепроизводства (1787–1788, 1792–1793, 1797, 1803, 1810–1811, 1815–1816, 1818–1819). Кроме

Англии они затронули США, Францию, Россию, Германию, Италию, Испанию. На 1787–1811 гг. приходится каскад из пяти кризисов. До 1810 г. из Англии на континент шел экспорт машин для хлопчатобумажного производства. Это был период взаимодополнения индустрии и ремесла: наряду с фабриками открывалась масса мелких мастерских по обслуживанию машин, да и само производство машин имело скорее ремесленный характер, локализуясь в небольших мастерских.

В среде экономических историков принято считать, что во Франции первый кризис в 1789 г. подтолкнул революцию, а второй – обострил безработицу и спекуляции, и вызвал к жизни якобинский этап революции.

В 1797 г. в России фиксируется вспышка крестьянских волнений (118 при среднегодовой норме периода 15–20) [7].

В годы наполеоновских войн Франция отнимала английский рынок в Европе при помощи военно-политических методов, а Англия – рынок французских сателлитов (в первую очередь – Испании) – теми же методами. Вообще же экономический аспект наполеоновских войн трудно переоценить: они пришлись на период британской товарной экспансии на континент и краха европейского мануфактурного производства.

В 1808 г. в Англии началось спекулятивное взвинчивание цен на хлопковое сырьё, уже в следующем году произошел его перевоз, из-за чего разразился кризис 1810–1811 гг.

1811–1820 гг. Затем до начала 1820-х гг. тянется десятилетие стагнации, куда укладывается каскад из 3-х кризисов. Промежутки между кризисами были не более чем депрессивные передышки перед новыми обвалами продаж. В период депрессии 1810–1820 гг. в Англии и Франции разорились кустари (особенно досталось индийским ткачам).

Кризис перепроизводства 1810–1811 гг. толкнул Россию на отмену «континентальной блокады» (для расширения обвалившегося экспорта), а Францию – на поход в Россию (не только для удушения Англии, но и для открытия сухого

пути вплоть до Индии – поскольку отсутствие у Франции серьёзного флота не позволяло толком использовать отнятое у Англии европейское пространство).

В кризис 1810–1811 гг. экспорт Англии упал втрое. До 1809 г. растут объёмы английского экспорта в Южную Америку и Европу (несмотря на блокаду). Успех, как всегда, породил завышенные ожидания. Начался спекулятивный бум, связанный с экспортом товаров: в Южную Америку отправляли всё вплоть до меховой одежды и коньков [5]. Т. е. не учитывался спрос и платежеспособность жителей Америки.

В 1811 г., спасая свой рынок от затоваривания, а свой хлопок – от полного вывоза, США ввели запрет на торговлю с Англией. Что стало причиной англо-американской войны 1812–1815 гг. В 1812 г. в Англии вновь поднимается протестная волна – и вновь вводится смертная казнь луддитам. В 1811–1813 гг. территорию Англии охватывает настоящая война между правительственными войсками и сторонниками «генерала Лудда» [11].

Для Франции «отдушиной», стимулирующей спрос, стали военные приготовления Великого похода в Россию (который сам был средством ужесточения блокады Англии). Поражение Франции, которое в этой логике означало переоткрытие рынков Европы для Англии, запускает там новый виток промышленного переворота: в 1813 г. внедряются механические ткацкие станки, которые втрое повысили производительность, и в 10 раз сократили персонал.

Кризис 1815–1816 гг. был острее предыдущего: помимо нового вала английских товаров за годы блокады в Европеросло местное механизированное производство. Кризис ударил по хлопчатобумажному производству, шерсти, углю и металлу, а к 1816 г. обвалились продовольственные цены. В Англии косвенные налоги выросли почти вдвое. В 1815 г. там принимается знаменитый «хлебный закон»: никакого хлебного импорта, пока цена хлеба на внутреннем рынке ниже фиксированного минимума. «Хлебные законы» стали «последним бастионом» английской землевладельческой аристократии в её борьбе с промышленным бизнесом. Другие участники международной торговли тоже не отставали во

введении протекционистских мер. Во Франции в 1816 г. запретили ввозить английские хлопковые ткани, то же самое сделали в США.

Следующий кризис (1818–1819 гг.) вызвал в Англии новый всплеск луддитского радикализма и либеральных митингов (пример чего – знаменитая «Манчестерская бойня» или «*Битва при Петерлоо*» 1819 г.). Все кризисные годы английское правительство защищало «хлебными законами» интересы земельной аристократии – это одновременно было тормозом дальнейшей индустриализации – и дальнейшего усугубления кризиса перепроизводства.

Этот кризис больно ударил по поставщикам сырья и продовольствия: России, Австрии, Испании, германским и скандинавским государствам. Везде прослеживается нажим помещиков на крестьян. В России фискальный кризис заставил перевести войска на иррегулярный режим «военных поселений».

В США спекулятивный бум поставок продовольствия в 1817 г. толкнул землевладельцев на распашку дополнительных земель – а в 1820 г. это продовольствие некуда стало продать.

Кризис был преодолен чередой освободительных революций и войн в Латинской Америке, вызванных и ослаблением Испании от войны с Францией, и английскими инвестициями непосредственно революционерам. В 1822 г. начался новый индустриальный подъём, который был связан уже с тем, что промышленный переворот перекинулся с британских островов на европейский континент. Следующее двадцатилетие сделает Англию «мастерской мира», снабжающей машинами и инструментами фабрики Европы, Азии и Америки.

В период британского промышленного переворота не наблюдается той противофазной динамики, какую мы фиксировали для мануфактурного цикла. Теперь производственный спад в Англии не совпадает с производственным бумом, скажем, в России. Это происходит потому, что весь период англичанам удаётся сохранять монополию на товар (ткани машинной выделки), который они поставляют на мировой рынок. Теперь кризис перепроизводства рождается в Англии и достаточно быстро отзывается в тех странах, которые специализируются на поставках сырья и полуфабрикатов.

*Эпоха промышленного переворота в Англии: эндоструктурная
и экзоструктурная связь между революциями*

Данный период характеризуется усилением полемогенной связи между случаями социально-политической нестабильности. Например, хорошо известно, что непосредственным толчком восстания мамлюков в Египте 1805–1811 гг. стал знаменитый египетский поход Наполеона. В свою очередь, события в Египте вызвали мятеж янычар в Турции, и зависимость здесь тоже сугубо полемогенная. Другой пример: без англо-испанской войны восстание в Санта-Доминго не могло состояться, как и Первая испанская революция, случившаяся позднее. А без падения легитимности испанской монархии освободительные войны в Латинской Америке тоже вряд ли состоялись бы. Почти половину всего периода занимают Наполеоновские войны, оказавшие воздействие почти на все мятежи, восстания и войны, фиксируемые в пределах европейской ойкумены. Даже война между Англией и США (1812–1815 гг.), начавшаяся из-за сугубо экономических причин (это была попытка англичан отменить американский протекционизм), была порождена комплексом причин, завязанных на Наполеоновские войны (англичане искали «отдушину» в условиях «континентальной блокады»).

С другой стороны, экзоструктурная связь между революциями по-прежнему носит экономический характер. Англии удалось преодолеть последствия мануфактурного спада при помощи промышленного переворота (что резко снизило процент стоимости труда в цене товара), а вот Голландия и Франция, выбитые англичанами с традиционных рынков тканей, испытали социальный взрыв, связанный с тем, что, во-первых, влиятельные слои общества лишились прежнего уровня благосостояния, а во-вторых, в силу особенностей социальной структуры сами они были не в состоянии реализовать промышленный переворот, подобный английскому. Как только (в период консульства Наполеона) обстановка во Франции стабилизировалась – влиятельные слои французского общества постарались минимизировать вред от экономической экспансии англичан военно-административными мерами – используя «массовый подъём» революционно настроенного простонародья для создания «*Великой Армии*». Наполеоновские войны и

стали отражением англо-французского соперничества в сфере международной торговли. Такой военно-административный нажим потерпел фиаско: удушить промышленный переворот в Англии не удалось, поскольку еще были рынки Америки, а также империя факторий, доставшаяся англичанам по итогам революции в Голландии. Помимо этого, в европейских пределах было еще много «военных администраторов» кроме наполеоновской Франции, и их Англии тоже удалось заинтересовать и мобилизовать для борьбы с французами. В итоге этой эпохальной общеевропейской войны Англия вторично вскрыла европейские рынки (запечатанные «континентальной блокадой»), а успех Наполеона конвертировался в ослабление Испанской империи, колонии которой, обретая независимость, также пополняли собой объём британского рынка сбыта. То есть первый слой причин – полемогенный, однако более глубокий – экономический. Кризис возник из-за промышленного переворота в Англии и создавшейся технической и товарной монополии англичан.

Эндоструктурная связь между случаями протестной активности в рассматриваемый период выражается в господстве определенного типа акторов и сценариев, которые условно можно обозначить термином «хунта». Образцом здесь можно считать Первую испанскую революцию (нач. 1808 г.), ключевую роль в которой сыграло провинциальное дворянство, объединенное в тайные общества, создаваемые в рамках армейских и около-армейских структур. Такими были и польское восстание 1794 г., и революции-войны «боливарианского цикла», сербские восстания, греческая революция («гетерии» интеллектуалов и тайные общества русских офицеров греческого происхождения), и восстание декабристов в России. Структурно всё это были варианты протеста со стороны военно-аристократических слоёв наподобие восстания Барской конфедерации (1768–1769 гг.) с предварительным заговором офицеров – людей, привыкших обсуждать и организовывать силовые акции. В ряде случаев трудно понять, о чём следует вести речь: о восстании или партизанской борьбе в тылу противника? Таковы революционные войны С. Боливара (почти открыто сотрудничавшего с голландцами и англичанами) или восстание в Санта-Доминго (местные решительные генералы

выбили из страны французов при содействии тех же англичан). Что касается миросистемного аспекта, то все протестные случаи типа «хунта» имели место в обществах господства земельных рантье и натуральных повинностей для большинства населения. И в то же время это были общества с регулярными вооруженными силами европейского типа. С точки зрения миросистемного анализа здесь надо говорить об обществах развитой периферии и полупериферии. В подавляющем большинстве случаев (кроме декабристов) протестующие преследовали сепаратистские цели, действуя на периферии обширных империй в условиях делегитимации имперских порядков.

Особняком на фоне «хунт» стоят четыре сценария иного типа. Во-первых, это классическая деятельность «тайных обществ» без выраженного участия аристократов-офицеров. Для данного периода это восстание луддитов в Англии 1811–1813 гг. (*Прим. 3*) и революции карбонариев в Королевстве обеих Сицилий и Пьемонте 1820–1821 гг.

Во-вторых, это восстание мамлюков в Египте и восстание янычар в Турции. Здесь перед нами классические вариации на тему «стрелецкий бунт»: попытка верхушки иррегулярных военных формирований заставить правительство отказаться от военных реформ, подрывающих положение этой верхушки. Такими мятежами изобиловали XVI и XVII вв., в период становления абсолютистских государств и «военной революции».

В-третьих, это структурно примыкающее к Пугачёвскому бунту или восстанию Тупак Амару II восстание рабов на о. Гаити: оно представляет собой социальный взрыв среди населения, находящегося под гнётом усилившейся трудовой повинности, и выразителем этого взрыва становятся местные «депривированные недо-элиты» (*Прим. 4*): мулаты и вольноотпущенные потомки рабов, мечтающие об уравнивании в правах с белыми переселенцами.

В-четвёртых, это Великая французская революция, на которой надо остановиться особо в силу её сложности и значения. Как и в войне за независимость США, всё началось с попытки воплощения принципа «нет налогов без политического представительства». Только здесь мятежные провинции и алчный

монарх оказались в пределах территории французской столицы. Эта революция не стала актом сепаратизма, как в североамериканском случае, в случае комунерос, или в случае Брабантской революции. Влиятельные слои общества не раскололись на сторонников и противников могущественной внешней державы, как в случае Батавской революции.

В XVI–XVII вв. при чрезмерном фискальном гнёте происходили «восстания сословий»: бароны возглавляли против короля или его наместника местные баронские сообщества, городские сообщества, а то и крестьян. Восстания вспыхивали изолированно и были обречены на сепаратизм как основной сценарий. В случае французской революции всё произошло иначе. В отличие от раннего абсолютизма теперь ткань общества пронизывала система бюрократического «регулярного государства», а также сети мануфактурного коммерческого производства с извечными спутниками – банками и юридическим сопровождением. В этой революции именно потому за короткий период сменилось столько разноликих сил, что к её началу сформировалась «матрёшка» конфликтующих субъектов, из которых каждый содержал в себе своего внутреннего противника. Промышленный переворот в Англии привел к резкому усилению во Франции земельной аристократии, чьё сельскохозяйственное сырьё взлетело в цене на рынках в сравнении с французскими мануфактурными изделиями. Успех был закреплён англо-французским торговым договором 1786 г, который обязал обе страны снизить таможенные пошлины. Британский текстиль хлынул во Францию (в следующем году рынки Франции будут перенасыщены, что вызовет кризис перепроизводства в Англии). Французские мануфактуристы разорены, в стране безработица и голод среди городских жителей. Опасаясь социального взрыва, правительство короля запретило экспорт продовольствия, и начало подготовку налоговой реформы (её суть – распределить поземельный налог на привилегированные сословия). Ответом на такую возможность стала «аристократическая революция» в духе английской «славной революции» 1688 г.: аристократия принуждает монарха ограничить свою власть путем введения конституции и парламента, которыми она думает оградить свои доходы и привилегии от произвола

монарха. Короля вынуждают созвать Генеральные штаты, без утверждения которых налоговая реформа не может стать законом. Однако тут же сработала «матрёшечная» структура французской революции: аристократы против короля (он вздумал обложить их налогом!), а «третье сословие» – против аристократов (они спекулируют продовольствием и душат мануфактурный бизнес!). Само «третье сословие» содержало в себе практически все активные силы (кроме крестьян): там были интеллектуалы-литераторы, провинциальное чиновничество, городские юристы, низовое духовенство, нижние армейские чины, владельцы и работники мануфактур. Сперва аристократия свергает правительство, вовлекая в борьбу «третье сословие» (этап Национального собрания и Декларации 1789 г.), проводя переход к конституционной монархии. Однако, в отличие от «славной революции», дальше в очередь выстроились силы, намеренные снести теперь уже и аристократию как «ворота» английского импорта. Весной-летом 1792 г. Законодательное собрание само объявляет войну внешним державам и свергает короля. Удар мануфактурного бизнеса по аристократии выразился в победе жирондистов над конституционалистами [12]. Однако для этой победы пришлось выманить на борьбу более широкие слои, олицетворяемые «монтаньярами»: якобинцами, дантонистами, санкюлотами, «бешеными» и пр. Для этого им была брошена солидная «кость»: всеобщие выборы в Конвент. Финалом свержения аристократической части революционеров стала казнь короля Людовика (январь 1793 г.), и безвозмездная отмена всех сеньориальных повинностей, а также распродажа в рассрочку земель сбежавших аристократов (лето 1793 г.). А дальше сами жирондисты оказались под ударом «монтаньяров», выражавших интересы уже теперь городских низов. Победа последних – Конституция июня 1793 г., где присутствовала «социальная корзина»: право на труд, на образование, на социальную помощь, и на восстание. Жирондисты не просто так потерпели поражение: в состав интервентов-противников французской революции к Австрии и Пруссии в 1793 г. добавились Испания и Англия, а внутри страны начался крестьянско-роялистский мятеж (Вандея). В этих условиях бизнес не мог предложить что-то существенное тем слоям, от которых теперь зависело

спасение завоеваний революции – населению крупных городов. Напротив, то, чего хотели эти люди, расходилось с интересами коммерческих слоёв (максимум цен и всякого рода безвозмездные распределения). Наступил самый радикальный этап революции – этап работы Комитета общественного спасения (октябрь 1793 – март 1794 гг.). Его методами стали максимум цен, реквизиции имущества и продовольствия, мобилизация чудовищной армии в 650 тыс. солдат, и террор против контрреволюции. Комитету удалось победить всех внешних и внутренних врагов к концу 1793 г. Далее последовал «жержиналь» (террор против левой части Комитета) и «термидор» (упразднение самого Комитета, закрытие политических клубов, роспуск Коммуны, репрессии против санкюлотов, Конституция 1795 года, Директория, блеск нуворишей и новый голод в городах). Ситуация неуклонно покатила к военной диктатуре Бонапарта. Такое лёгкое возвращение жирондистов (при том, что низы почти не получили то, чего требовали) (*Прим. 5*), объясняется тем, что главный фактор свержения жирондистов – это не натиск левых сил, а возросшая внешняя опасность (Вандея и интервенция). Эта опасность была слишком быстро устранена Комитетом, поэтому коммерческие слои просто не успели потерять влияние под давлением «монтаньяров» [14].

Словом, французская революция типологически представляла собой «парад противоречий», в ней можно найти черты сразу множества исторических случаев смены режима. Эндоструктурно суть французской революции состоит примерно в следующем. «Застрельщиком» её является земельная аристократия. Её британские коллеги выгодно размещают производимое продовольствие и сырьё на внутреннем рынке, бурно растущем под влиянием промышленного переворота. Французские аристократы лишены такой возможности: производство Франции свёртывается под напором английского импорта, а с ним свёртывается рынок сырья и продовольствия. Французские аристократы компенсируют это наращиванием экспорта сырья в Англию, чем еще больше подрывают местный мануфактурный сектор. И в то же время сектор этот достаточно выражен и оказывает достаточное влияние на общественную структуру, чтобы образовались силы, способные повести борьбу с аристократией. Благополучие страны настолько

зависело от мануфактурного производства, что британская конкуренция и обычная в таких случаях спекуляция аристократии вызвала социальный крах и попытку правительства демонтировать систему сословных привилегий.

Разновидностью данного сценария следует считать эпизод под названием «Битва при Петерлоо» («Манчестерская бойня»), который открывает череду протестной активности особого рода. Речь идёт о длительном, растянувшимся более чем на два десятилетия, давлении на существующую политическую систему заинтересованных групп. Здесь, как и в случае французской революции, можно увидеть знакомую «матрёшечную» структуру конфликта: финансово-деловые круги преследуют цель лишить британскую землевладельческую аристократию её привилегий и могущества, а городское большинство борется за уменьшение хозяйственных тягот (безработицы, чрезмерного труда и низкой его оплаты), тем самым покушаясь на источник могущества финансово-деловых кругов. Основными результатами этой многосторонней борьбы стали Избирательная реформа 1832 г., закон о бедных 1834 г., подоходный налог 1842 г., отмена хлебных законов в 1846 г., и фабричный закон 1847 г. [3]. Движение за реформу, чартизм и деятельность Лиги против хлебных законов выбиваются за рамки хронологической локализации «Промышленного переворота в Англии», выходя за рамки настоящей работы. Однако в произошедшем уже в 1819 г. грандиозном столкновении протестующих с властями в Манчестере проявился сценарий, характеризующий последующую британскую протестную активность: во-первых, альянс либералов с радикалами (представители вигов поддержали городские низы в их борьбе), а во-вторых, подчеркнута ненасильственный характер борьбы, выраженное стремление действовать в рамках существующей административно-политической системы, не создавая новую или параллельную.

Эндоструктурное своеобразие британского случая в сравнении с французским состоит в следующем. Сам промышленный переворот, сопутствующая урбанизация, а также войны и нестабильность, которые переворот вызвал в других странах, привели к тому, что в 1791–1815 гг. в Англии резко дорожает продовольствие, а значит – поднимается аграрная рента и стоимость земли, что

означает рост могущества и притязаний аристократии. Это мы видели и во Франции, где к 1789 г. рантье выиграла от засилья на рынках британских промышленных товаров. Это и стало одной из причин попытки диктовать свою волю королю. Британские тори продавливают через парламент очередные «хлебные законы», а их французские коллеги пробуют создать саму возможность парламента, чтобы «делать как в Англии» – проводить аграрный протекционизм. То есть британский промышленный переворот усилил и британских, и французских рантье. Однако во Франции он в то же время подрывал власть короля, доходы деловых кругов и благосостояние городов, превращая их во врагов аристократии. И именно поддержкой этих врагов предстояло заручиться французской аристократии в борьбе за парламент. Последствия были фатальны. Позиции же британских лендлордов были намного сильнее, а главное – не было столь выраженного противостояния оппонентов, ведь промышленный переворот в целом был благотворным для бизнеса и городского населения Англии.

Революционные волны периода

Ранее в настоящей работе было выделено пять типов связи внутри революционной волны: эндоструктурная, экзоструктурная, полемогенная, идейная и организационная. Понятно, что цепочки случаев, которые можно выделить на основе каждого типа связи, могут не совпадать по длине и не соответствовать по времени. Например, идейная связь между войной за независимость США и Великой французской революцией хорошо известна: Декларация прав человека и гражданина во Франции была создана по американскому образцу. Общий принцип «нет налогов без политического представительства» также был провозглашен сначала в Америке. Так же широко известна и организационная связь двух этих случаев: например, аристократ-революционер маркиз Ж. де Лафайет принимал активное участие сначала в первом, потом во втором случае (это только то, что известно о фигурах первого плана). Однако экзоструктурная связь между этими случаями скорее отсутствует. Борьба за независимость североамериканских колоний началась в условиях мануфактурного подъёма в этих колониях, и мануфактурного спада в Англии, что вылилось в попытки английских бизнеса и

бюрократии компенсировать падение доходов административными методами (и, соответственно, попытки влиятельных слоёв колоний защитить своё возросшее влияние). Что касается французской революции, то общим местом соответствующих исследований остается указание на промышленный переворот в Англии как на важную причину, спровоцировавшую производственный кризис и социальный взрыв во Франции.

Сказанное означает, что сначала придётся выявить цепочки случаев со связями каждого типа, а затем искать максимальное число совпадений между цепочками, что и даст нам больший или меньший «домино-эффект» между случаями протестной активности.

Начнём с *идейной связи (И)*, способной простираться максимально далеко во времени и пространстве. Идеиная связь явно проходит от 1) американской войны за независимость – через Французскую революцию – до восстания на Гаити, и охватывает следующие случаи: Американская революция (1775–1783 гг.) восстание комунерос в Колумбии (1781 г.), революция в Ирландии (1782–1784 гг.), Батавская революция (1883-), Брабантская революция (1787–1790 гг.), Французская революция (1789–1794 гг.), восстание рабов на Гаити (1791–1804 гг.), польское восстание Костюшко (1794 г.), Ирландское восстание (1898 г.), освободительные войны в Центральной и Южной Америке (1810–1826 гг.), республиканская революция в Мексике (1822–1823 гг.), восстание декабристов (1825–1826 гг.) (*Прим. 6*). Остальные случаи демонстрируют ту или иную степень партикулярности на базе этнических, сословных, профессионально-статусных интересов. Выраженным частным случаем распространения национально-освободительных идей, перетолкованных в универсалистском ключе («восставший народ против тирании») можно считать 2) идейную связь между первой (1808–1814 гг.) и второй (1820–1823 гг.) испанскими революциями (*Прим. 7*), революцией карбонариев в итальянских государствах (1820–1821 гг.), португальской революцией (1820 г.), греческой революцией (1821–1829 гг.), и восстанием декабристов в России (1825–1826 гг.) (*Прим. 8*).

Несколько уже влияние *экзоструктурной связи (ЭКЗ)*. Следует говорить об а) этапе мануфактурного кризиса в европейской ойкумене (1750-е – 1780-е гг.), и б) этапе промышленного переворота в Англии (1780-е – 1820-е гг.). Первый этап охватывает все исторические случаи от индейских восстаний 1760-х гг. и до Брабантской революции. Второй этап определяется промышленным переворотом в Англии и английской торговой экспансией. При этом Батавская, Брабантская и Великая французская революции приходится на наложение процессов: на континенте продолжается кризис сбыта мануфактурной продукции, который усугубляется промышленным переворотом в Англии (где уже в 1780-х гг. бурно развивается машинное прядение). Второй этап включает все случаи от французской революции до восстания декабристов (уже следующее протестное событие – Июльская революция во Франции 1830 г. – было связано с началом промышленного переворота в странах континентальной Европы).

Ещё уже *эндоструктурная связь (ЭНД)*. Для этапа мануфактурного кризиса и для этапа промышленного переворота в Англии здесь следует выделить:

1) случаи коммерчески-обусловленного сепаратизма под руководством бизнес-сообществ (война за независимость США: отделение североамериканских колоний от английской монархии (*Прим. 9*); восстание комунерос в Колумбии: попытка отделения местного сообщества латифундистов от фискальной системы Испанской империи, ирландская революция 1782–1784 гг.: попытка административного обособления от Британской империи, Брабантская революция: попытка отделения бельгийских провинций от Габсбургской монархии, Батавская революция: попытка устранения политической зависимости Голландии от Британской империи);

2) случаи восстаний из-за усиления коммерчески-обусловленного неэкономического принуждения местного населения со стороны землевладельцев – под руководством «депривированных недо-элит» (Барская конфедерация и Шавельское восстание в Польше, Пугачёвское восстание в России, восстание рихтаржей в Чехии и Моравии, восстание Тупак Амару II в Перу, восстание рабов на Гаити) (*Прим. 10*);

3) случаи борьбы с засильем влияния землевладельческой аристократии со стороны «третьего сословия» с последующим расколом этого сословия. Радикальный вариант этого сценария – французская революция, умеренный вариант – начало длительной борьбы за «парламентскую реформу», переходящей в чартизм («Манчестерская бойня» 1819 г.).

4) случаи, связанные с деятельностью «тайных обществ», близких к военно-аристократическим слоям (первый вариант – восстание Костюшко в 1894 г., наиболее выраженный вид – «хунты» испанской революции и «революционные хунты» латиноамериканских освободительных войн) (Прим. 11). Олицетворяет раскол земельной аристократии крупных империй периферии, а скорее даже – полупериферии мир-экономики (поскольку вожди восстаний были способны организовать вооруженную борьбу примерно на уровне лучших современных образцов того времени). Иными словами, на периферии происходит переход от старого формата «депривированные претенденты возглавляют угнетенное простонародье» – к военно-аристократическим заговорам сепаратистской направленности формата «хунты». В отличие от мануфактурного периода – теперь вспышки таких протестов совпадают с общеевропейскими экономическими кризисами. С одной стороны – налицо раскол внутри слоя аристократов-рантье (молодёжь из офицеров против магнатов). С другой – наполеоновские коалиционные войны привели к частичной делегитимации имперских порядков, провоцируя сепаратизм в моменты экономических кризисов. Если на предыдущем этапе кризис вызывал экономический бум на периферии (с усилением внеэкономического принуждения, что усиливало тяготы простонародья, становясь питательной почвой для депривированных претендентов в элиту – без поддержки со стороны самой землевладельческой аристократии), то теперь (в период товарной монополии Британии) кризис вызывает на периферии хозяйственный спад и выделение протестных фракций внутри самих элит (бунт в среде «первого сословия»). При этом сепаратизм имеет характер не радикальной федерализации (как зашедшая в тупик борьба за политическое представительство североамериканских колоний), а

политико-административное размежевание на базе (как правило) какой-либо этнической или регионально-земляческой идентичности;

5) случаи, в которых полемогенный фактор структурно обуславливал выступление протестных сил: необходимость участвовать в войнах современного типа толкала правительство на военную реформу, упразднявшую прежние полурегулярные вооруженные силы (восстания мамлюков в Египте и янычар в Турции). Понятно, что ни о каком «освобождении народа» и «представительстве» речь при этом не шла;

б) случаи действия «тайных обществ», которые не удаётся связать с «офицерами» и какими бы то ни было «претендентами в элиту» (вроде рихтаржей, казаков и т. п.). В эту категорию попадают движение луддитов (в 1811–1813 гг. оно охватило большую часть территории Англии), и революция карбонариев 1820–1821 гг.

Полемогенная связь внутри «революционных волн» (П) (*Прим. 12*) для первого и второго рассмотренных периода прослеживается в следующих случаях: 1) восстание Понтиака (Семилетняя война); 2) Шавельское восстание и Пугачёвское восстание (русско-турецкая война 1768–1774 гг.); 3) восстание Тупак Амару II и восстание комунерос (испано-португальская война 1776–1777 гг.); 4) революция в Ирландии и Батавская революция (англо-голландская война); 5) ирландское восстание (1798 г.) (*Прим. 13*), восстание янычар, переворот в Египте, первое сербское восстание (*Прим. 14*), восстание в Санта-Доминго, южноамериканские освободительные войны, восстание луддитов (наполеоновские войны).

Что касается организационной связи (О), то в рассматриваемый период она охватывает 1) войну за независимость США, Брабантскую, Французскую революции и Гаитянское восстание – в этих трёх случаях фиксируются общие фигуранты, все три случая связаны этнокультурно и административно. Прослеживается также организационная связь между войной за независимость США и Польским восстанием Т. Костюшко, а также между французской революцией и ирландским восстанием 1798 г.; 2) первое сербское восстание 1804–1813 гг.,

переворот в Египте, и восстание янычар в Турции; 3) первая испанская революция, южноамериканские освободительные войны, и республиканская революция в Мексике 1822–1823 гг., вторая испанская революция 1820–1823 гг., португальская революция 1820 г.; 4) движение луддитов 1811–1813 гг. и «Манчестерская бойня» 1819 г. (Прим. 15); 5) греческая революция и восстание декабристов в России (через посредничество русских офицеров) (Прим. 16).

Таблица 1

Критерии революционных волн

<i>Год</i>	<i>Случай</i>	<i>И</i>	<i>ЭКЗ</i>	<i>ЭНД</i>	<i>П</i>	<i>О</i>
1763–1766	Восстание Понтиака		1		1	
1768–1769	Барская конфедерация и Шавельское восстание в Польше		1	2	2	
1768	Четвертое восстание гайдамаков («Колиивщина»)		1	2	2	
1772–1775	Яицкое восстание и восстание Пугачёва		1	2	2	
1775	Чешское/моравское крестьянское восстание (рихтаржей)		1	2		
1775–1783	Американская Революция	1	1	1		1
1780–1781	Восстание Тупак Амару II (Перу)		1	2	3	
1781	Восстание комунерос в Колумбии	1	1	1	3	
1782–1784	Революция в Ирландии	1	1	1	4	
1783–1787	Батавская революция	1	1 и 2	1	4	
1784	Трансильванское крестьянское восстание		1 и 2	2		
1787–1790	Брабантская революция	1	1 и 2	1		1
1789 – 1794	Великая французская революция	1	2	3		1
1791–1804	Восстание рабов на Гаити («Гаитянская революция»)	1	2	2		1
1794	Польское восстание («восстание Костюшко»)	1	2	4		1
1798	Ирландское восстание против Англии	1	2	1		1
1804–1808	Восстание на западе о. Гаити (Санта-Доминго)		2	6	5	
1804–1813	Первое сербское восстание	2	2	4	5	2

1805–1808	Восстание против мамлюков в Египте		2	5	5	2
1805–1808	Восстание янычар в Турции		2	5	5	2
1808–1814	Первая революция в Испании	<i>1 и 2</i>	2	4	5	3
1810–1821	Мексиканская война за независимость	<i>1 и 2</i>	2	4	5	3
1810–1826	Освободительные войны в Южной и Центральной Америке	<i>1 и 2</i>	2	4	5	3
1811–1813	Восстание луддитов в Англии		2	6	5	4
1819	«Манчестерская бойня» (Битва при Петерлоо) в Англии	<i>1</i>	2	3		4
1820–1823	Вторая испанская революция	<i>1 и 2</i>	2	4		3
1820–1821	Революции «карбонариев» в Королевстве обеих Сицилий и Пьемонте	2	2	6		
1820	Революция в Португалии	<i>1 и 2</i>	2	4		3
1821–1829	Греческая революция	2	2	4		5
1825–1826	Восстание декабристов в России	<i>1 и 2</i>	2	4		5

Выявленные параметры сведены в таблицу (см. Табл. 1). Этой таблице уже можно задавать вопросы общего характера. Например: в скольких случаях «домино-динамика» была выражена полностью, а в каких – частично? Сколько вариантов революционных «ответов» на внешние «вызовы» предложили участники? Сколько можно выделить вариантов связи по типу «от события к событию»?

Из приведённой таблицы видно, что все 5 показателей совпали только в 3 случаях:

- 1) Первая революция в Испании;
- 2) Освободительные войны в Южной и Центральной Америке;
- 3) Мексиканская война за независимость.

Показатели экзоструктурной и эндоструктурной связи (ответственные за «автохтонность» события) сложились в 6 комбинаций:

- 1) ЭКЗ1 + ЭНД1 = 5 случаев;
- 2) ЭКЗ1 + ЭНД2 = 6 случаев;

- 3) ЭК32 + ЭНД2 = 2 случая;
- 4) ЭК32 + ЭНД3 = 2 случая;
- 5) ЭК32 + ЭНД4 = 9 случаев;
- 6) ЭК32 + ЭНД5 = 2 случая;
- 7) ЭК32 + ЭНД6 = 3 случая.

Отсюда видим, что при всей грандиозности Великой французской революции «статистическое лицо» периода формируют события иного рода (здесь – условно): «*коммерческий сепаратизм*», «*бунт контр-аристократии*» (Прим. 17), и «*заговор офицеров*».

Показатели идейной, полемогенной, и организационной зависимости (ответственные за «наведённый» характер события со стороны другого события) совпали только в 3-х случаях, это всё те же:

- 1) Первая революция в Испании;
- 2) Освободительные войны в Южной и Центральной Америке;
- 3) Мексиканская война за независимость.

Если убрать войну как случайный фактор из «не-революционной» группы факторов, то складываются 3 комбинации:

- 1) И1 + О1 = 6 случаев;
- 2) И1/2 + О3 = 5 случаев;
- 3) И2 + О5 = 2 случая.

Если добавить сюда экзоструктурную связь, то комбинаций будет больше:

- 1) И1 + ЭК31 + О1 = 2 случая;
- 2) И1 + ЭК32 + О1 = 5 случаев;
- 3) И1/2 + ЭК32 + О3 = 5 случаев;
- 4) И1/2 + ЭК32 + О5 = 2 случая.

Таким образом, в строгом смысле под критерии «домино-динамики» попадают только три случая, формируя единственную за весь рассматриваемый период (и притом короткую) «волну» иберо-американских революций в период наполеоновских войн.

Если же учитывать только внешние факторы, то получим 3 или 4 волны (в последнем случае – если учитывать наиболее значимый макроструктурный фактор периода).

Если принимаем в расчёт множественные сценарии реакции отдельных обществ на внешние «вызовы» – количество «волн» увеличивается до шести.

Примечание

1. Разумеется, никуда не исчезают факторы геополитического, военно-политического характера. Так, например, освободительные революции в Латинской Америке прямо коррелируют с вторжением Наполеона в Испанию, и с изменениями в Европе под действием наполеоновских войн. Но сами наполеоновские войны – одно из следствий «массового подъёма» французской революции. Саму же революцию принято связывать со второй фазой экономического кризиса (мануфактурного перепроизводства), а не, например, с англо-французской войной 1778–1783 гг., в которой Франция победила.

2. Хотя организационный элемент того и другого восстания – казаки – были весьма подвижным социальным элементом-переносчиком оппозиционных настроений и методов бунта, однако восстания получают размах только в случае, если добираются до горючего материала – массы крепостных крестьян и посессионных рабочих.

3. Само луддитское движение зародилось еще в 1770-х гг., но на период 1811–1813 гг. приходится аномальная вспышка их активности: от их писем с угрозами «именем короля Лудда» и от их ночных вооруженных налётов на предприятия не мог спокойно спать ни один английский фабрикант. Луддиты занимались муштрой и военной подготовкой близ крупных городов, и даже вступали в сражения с регулярными войсками. Пленные радикалы так и не назвали центров координации всей этой деструктивной деятельности, однако, такие центры, несомненно, были. Луддитское восстание вспыхивает в «мастерской мира», спровоцированное экономическим кризисом 1810–1811 гг. (переинвестированием в южноамериканскую торговлю и сокращением подвоза хлопка из США).

4. Относительная депривация (в отличие от абсолютной) допускает, что избыточные притязания индивида или группы возникают не только от снижения, но и от повышения статусной позиции. Т. е. «маргинал» – это векторное понятие, оно может быть направлено как вниз, так и вверх.

5. Знаменитые «вантозские» декреты марта 1794 г. не успели реализоваться, Робеспьер казнил эбертистов и дантонистов, которые настаивали на распределении имущества «подозрительных» всем нуждающимся.

6. В «Русской правде» Пестеля прослеживается явное влияние концепции «естественного права» и других положений Просвещения, определивших «лицо» идей Американской и Французской революций.

7. Особенно обсуждаема была испанская конституция 1812 г., ставшая эталоном для революционных движений 1820-х годов.

8. Что касается греческих событий, то здесь у декабристов существовала с ними не только идейная, но и организационная связь (что будет показано ниже). Связь же с испанскими и итальянскими событиями неочевидна, но – существовала. Здесь было и общее воодушевление, выраженное в стихотворении А.С. Пушкина, близкого к кругам декабристов «Недвижный страж дремал на царственном пороге»; в Италии и Испании в момент революции и сразу после неё побывали В.К. Кюхельбекер, А.П. Беляев, А.В. Поджио, принеся в Россию восторженные отзывы. Это подтверждали и допросы по делу декабристов. Особенно импонировал им откровенно военный характер испанской революции, организованной как заговор офицеров [10].

9. Индейские восстания второй половины XVIII в., включая знаменитое восстание Понтиака, в этом смысле отражают «матрешечную» структуру противоречий в колониях: колонисты против алчных акционеров Вест-Индской компании и королевских чиновников, а индейцы – против не менее алчных колонистов.

10. Первоначально восстание возглавили мулаты, имевшие притязания оспорить власть и положение на острове у белых поселенцев.

11. Хосе де Сан-Мартин, один из героев освободительной борьбы, изначально – служака испанской армии, воевавший и в Африке, и в самой Испании. Симон Боливар, хотя по профессии – юрист, но сам – из семьи латифундиста, а хозяева латифундий опирались на военизированные отряды, сбор, перемещение и снабжение которых умели организовывать (т. е. были «каудильо»).

12. В данном случае имеется в виду именно эффект запуска протестного случая войной. Случаи, когда протекание восстания усиливается или модифицируется войной, здесь не учитываются.

13. Случай попадает в данный ряд, если принять тезис о том, что наполеоновские войны – экспансия революционной Франции после нанесения поражения интервентам (Австрии, Пруссии, Испании). А развитие успеха «Великой армии» началось в 1894 г., т. е. раньше возвышения Бонапарта.

14. Из-за вторжения Наполеона в Египет турецкий султан вернул в Белград изгнанных оттуда им же ранее янычар, которые в 1801 г. совершили там военный переворот, установив в Сербии «диктатуру четырех дахий», лишив сербов дарованной ранее административной и военной автономии. Результатом стало восстание сербов 1804–1813 гг.

15. Иногда в источниках радикальная часть протестующих в «битве при Петерлоо» прямо называется луддитами (а либеральная – вигами).

16. Известно о «греческой партии» в царском правительстве – во главе с министром иностранных дел империи И. Каподистрии, который сам основал одну из «гетерий» (греческих тайных обществ), направил туда генерала А. Ипсиланти, возглавившего партизанскую борьбу греков, а затем стал первым правителем независимой Греции. Однако есть ли свидетельства соприкосновения с «греческими делами» собственно декабристов? Оказывается – есть. Известно, что все четыре брата Ипсиланти были лично знакомы с главными декабристами. Александр Ипсиланти состоял в масонской ложе «трёх добродетелей» вместе с Пестелем, Волконским, Трубецким, братьями Муравьевыми-Апостолами. Соприкасались они и по службе. Например, в работе Н.И. Греча упоминается следующий эпизод биографии Пестеля: «Впоследствии Пестель дослужился до

полковника и был командиром Вятского полка, стоявшего в Подолии. При начале греческого восстания его посылали в Молдавию и Валахию, чтоб узнать о причинах и свойстве этого восстания. В донесении своем он сказал, что это то же самое, что освобождение России от татарского ига» [2].

17. Имеются в виду, например, казаки, рихтаржи, инкская знать в Испанской империи, и польская шляхта периода раздела Речи Посполитой (пока она не была инкорпорирована в имперское офицерство в 1791 г.).

Список литературы

1) Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения / Дж. Голдстоун // Логос. – 2006. – №5. – С. 58–103.

2) Греч Н.И. Записки о моей жизни. Гл. 11 / Н.И. Греч [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.liveinternet.ru/users/4000579/post379405332

3) Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии и идея классов / Н.А. Ерофеев // История социалистических учений: Сб. ст. – М., 1981. – С. 134–158.

4) Колташов В.Г. Великие кризисы. Кризис 1770–1780-х годов / В.Г. Колташов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.finansy.ru/st/post_1275029846.html#_ftnref1

5) Колташов В.Г. Великие кризисы. Кризис 1810–1820 годов / В.Г. Колташов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.finansy.ru/st/post_1277818153.html

6) Колташов В.Г. Великие кризисы. На пути к 1810 г. / В.Г. Колташов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.finansy.ru/st/post_1277809980.html

7) Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. / Б.Г. Литвак. – М, 1967.

8) Мавродин В.В. Крестьянская война в России 1773–1775 годах. Восстание Пугачёва. Т. I / В.В. Мавродин. – М., 1961. – 588 с.

9) Нефёдов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. От окончания Смуты до Февральской революции / С.А. Нефёдов. – М.: Территория будущего, 2010. – 688 с.

10) Орлик О.В. Декабристы и европейское освободительное движение. Гл. вторая. Отношение декабристов к опыту западноевропейских революций 20-х годов XIX в. Параграф «Энтузиасты свободы» / О.В. Орлик. – М., 1975 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://texts.news/sovetskoy-rossii-istoriya/entuziastyi-svobodyi-50049.html>

11) Поулсен Ч. Английские бунтари. Гл. XIII. Правление короля Лудда / Ч. Поулсен. – М.: Прогресс, 1987. – 187 с.

12) Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Часть 1. Падение монархии. 1789–1792 / В.Г. Ревуненков. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 240 с.

13) Розов Н.С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания / Н.С. Розов // ЭКО. – 2016. – №10. – С. 78–95.

14) Собуль А. Первая республика 1792–1804 / А. Соболев. – М.: Прогресс, 1974. – 393 с.

15) Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры / С.В. Цирель // Ойкумена. – 2011. – Вып. 8. – С. 174–209.

16) Цыганков В.В. Типы Революционных волн (на материале истории Раннего Модерна) / В.В. Цыганков // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник. – Волгоград. – 2016. – С. 263–281.